

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж42

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года*

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Жданов, Лев.

Ж42 Последний фаворит : [роман] / Лев Жданов. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-115217-8

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Роман-хроника «Последний фаворит» посвящен последним годам правления русской императрицы Екатерины II. После смерти светлейшего князя Потёмкина, её верного помощника во всех делах, государыне нужен был надёжный и умный человек, всегда находящийся рядом. Таким поверенным, по её мнению, мог стать её фаворит Платон Зубов. Но фаворит Екатерины II, при всех своих физических достоинствах, не обладал острым умом, и не имел способностей к государственным и военным делам. После смерти Екатерины Великой судьба Платона Зубова, самого влиятельного после неё человек в Российской империи, резко изменилась...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115217-8

© В. Akunin, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Книга первая

Naturalia non sunt turpia!*

Изобретать — легко, делать
открытия — весьма трудно!

Екатерина II. «Разговоры»

От автора

По особым условиям своей исторической жизни Россия только за последние десятилетия получила возможность... узнать подробно все, что делалось за прошлое время в недрах... народа и там, на верхах его, где вершились судьбы царства — иной раз по приговорам рока, а порою и по прихоти «случайных» людей, случайных вершителей народной судьбы.

Это одна из главных причин малого знакомства масс с прошлым родной земли. Есть еще и другие, не менее важные.

Грамотность даже в высших кругах общества или прививалась весьма туго, или направлена была в сторону иноземных образцов. Не только при дворе, где общество всегда больше международное, чем национальное, и в высшем русском сословии вообще немецкий и, особенно, французский язык был более известен как литературный, чем свой собственный, русский.

Это продолжается даже до середины XIX века, если и не позже.

Вот почему так мало документальных данных на русском языке о том, что делалось там, в лаборатории нашей исторической жизни, на ее верхах.

А между тем, как ни могуче было движение умственной и политической жизни и созревание России в лице ее народа, очень мощным слагаемым, вернее, пружиной всему, что творилось внутри и вне России, больше чем на три четверти служила деятельность верхов, теперь называемых сферами...

---

* Что естественно, то не безобразно! (*лат.*)

И знать правду о них — значит понимать весь ход внутреннего развития России и ее роста извне.

Но эту правду, повторяем, до самого последнего времени если и удавалось узнавать, то больше западным соседям — в виде мемуаров, порою весьма неточных... подсказанных излишней любовью или чрезмерной враждой...

Вот почему теперь явилась возможность дать для прочтения широким кругам и настоящую хронику, если не блестящую особыми достоинствами, зато строго отвечающую требованиям исторической правды.

Конечно, и в тех узких рамках, какие намечены для настоящей хроники, по ее размерам и по условиям замысла, не оказалось возможным использовать все, что касается последних лет царствования великой государыни, «Екатерины Великого», как ее в мужском роде величал принц де Линь и другие. Но все, что здесь найдет читатель, есть ряд строго исторических, проверенных событий и фактов.

Исторический роман по сущности своей должен не только знакомить, но и научать...

В русской литературе есть великолепная историческая повесть Пушкина «Капитанская дочка», есть яркие, вдохновенные страницы Лажечникова, занимательные хроники Соловьева и более определенные, выпуклые очерки Данилевского, Мордовцева... Есть романтические «Мемуары»... Словом, есть все зачатки будущего исторического романа, который должен скоро народиться.

Чтобы стать наряду с лучшими произведениями этого рода, известными во всемирной литературе, русский исторический роман должен иметь блеск боевой журнальной статьи, силу драмы и убедительность архивного документа...

Я со всей Россией жду рождения такого отрадного явления.

А пока решаюсь отдать на суд читателей мою скромную историческую хронику, единственное достоинство которой — ее правдивость.

1. Новая смена

Середина июня 1789 года. Больше месяца, как императрица с обоими внуками и своей обычной свитой переехала в Царскосельский дворец.

Всего десять часов утра, но во всех жилых помещениях, во дворах между зданиями и в парке кипит жизнь.

Удивительного тут нет ничего: сама хозяйка этого очаровательного уголка встает в шесть часов; погуляв немного в роскошном цветнике, по новому парку в английском вкусе, возвращается на небольшую террасу, которая ведет в длинную колоннадную галерею, и садится на зеленом, обитом сафьяном диванчике, перед таким же столом.

Здесь часа полтора-два пишет и работает Екатерина одна, набрасывая свои «Записки», страницы «Истории Российского государства» или письма к Дидро, Гримму, к мадам Жоффрен, Циммерману, в которых так выливается весь ум, сверкают искры веселья, юмора и вдохновения державной сочинительницы.

После этого еще часа два уходит на работу с дежурными секретарями, тут же принимаются доклады петербургского обер-полицеймейстера.

Затем Екатерина снимает свой гладкий, сидящий немного набекрень утренний чепец, заменяет его другим, укра-

шенным белыми лентами, сидящим более прямо на густых, напудренных волосах. Вместо белого атласного или гродетурового капота она надевает гладкое, тоже атласное, белое платье, поверх которого носит лиловый или вообще темного цвета «молдаван», род казакина. И туалет на весь день готов.

Размеренно, по часам, даже по минутам, идет жизнь в главном дворце, который внушительно темнеет со своими глубокими сводчатыми окнами на свежей зелени старого сада и нового парка...

В новой пристройке, созданной для себя лично Екатериной, и во всех флигелях, службах, конюшнях и караулках от старшего внука, великого князя Александра, до последнего сторожа все подчиняются раз заведенному порядку, отступление от которого допускается лишь по особому разрешению государыни.

Сравнительно меньше движения заметно в помещении, отведенном для генерал-фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова, воспитателя великого князя Александра Павловича.

Княгиня Наталья Владимировна появляется из своего будуара только часам к одиннадцати. Но Салтыков по примеру государыни давно на ногах.

В передней у него дожидаются несколько военных с рапортами из Военной коллегии, где по должности своей председательствует князь, затем дежурный от молодых великих князей и два-три просителя.

В гостиной, большой, просторной комнате, выходящей окнами в сад, давно уже отдельно ото всех ждет выхода князя начальник роты, находящейся здесь в карауле, ротмистр конной гвардии, совсем молодой офицер, с виду лет двадцати — двадцати двух, не больше.

Сначала он осторожно, какой-то эластичной, неслышной походкой мерил комнату, лавируя между столами, креслами, диванчиками и столиками, расставленными в комнате. Потом остановился у окна и, жмуря свои большие, черные, бархатистые глаза, стал глядеть в ту сторону, где на солнце сверкала стеклянная стена знаменитой царскосельской галереи.

Открытая часть этой галереи, которую образовал ряд массивных колонн, служащих опорой для крыши, была пронизана лучами утреннего солнца. И, проникая в пролеты стеклянной стены, они открывали глазу то, что было за окнами, внутри.

Больше часу тому назад офицер мог различить, как по галерее прошла женщина, направляясь с террасы во внутренние покои, мимо беломраморных бюстов героев и ученых, расставленных вдоль всего пути.

Плотная фигура небольшого роста, с высокой грудью, характерный постанок головы, чуть приподнятой, и особая прямизна стана — все приметы государыни, хорошо знакомые ротмистру, привлекли его внимание.

Долго после того, как женщина скрылась в глубине галереи, не доступной его взору, молодой офицер все глядел туда, вслед, как будто обладал способностью видеть сквозь толстые каменные стены...

Гулко пробило десять на больших дворцовых часах.

Бронзовые фигурные часы, стоящие в гостиной на консоли, мелодично начали вызванивать удар за ударом.

Офицер как будто очнулся от своих дум, нервно оправил темляк, и без того бывший в полном порядке, огляделся, прислушался и опустился в мягкое соседнее кресло, откуда видно было и дверь спальни князя, и все, что делается за окном.

Тонкий слух офицера различил за дверью невнятное бормотанье, то прорывавшееся более внятной нотой, то переходившее в однотонное причитанье, то совсем затихающее. Изредка какой-то глухой стук доносился из-за двери, как будто что-нибудь мягкое упало на ковер; этот стук повторился раз десять — двенадцать подряд.

Такой звук мог бы издавать большой, очень туго набитый, эластичный мяч, который, упав на пол, подпрыгивал бы и падал несколько раз подряд, все слабее и мягче.

«Поклоны отбивает... Весьма любопытно сведать: какие грехи великие замаливает сей старый хорек?» — подумал ротмистр.

Лицо его, очень красивое, но маловыразительное и неподвижное до этих пор, оживилось легкой насмешливой улыбкой, от которой засверкало два ряда мелких красивых зубов, полуприкрытых тонкими, красиво очерченными, краснеющими, как у женщины, губами.

Шум и серебристый звон бубенцов стал долетать справа из-за окна.

Это отъезжала от крыльца обычная русская тройка обер-полицеймейстера, успевшего сделать государыне свой доклад и теперь во всю мочь лихо покотившего обратно в столицу.

Еще не замерли совсем вдали серебристые перезвоны бубенцов и колокольцев, когда за дверью рядом послышались шуршащие, припадающие шаги.

Кто-то приближался в мягкой обуви, прихрамывая на одну ногу, слегка пошаркивая подошвами по паркету, не перекрывая у дверей ковром.

Слегка прихрамывая на левую ногу, приближался князь.

Разделяя убеждения своего времени, Салтыков для предупреждения различных заболеваний носил постоянно «фонтенель» на этой ноге. Полагали, что через незаживающую, постоянно гноящуюся ранку выходят все дурные соки из организма и обеспечивают тем долголетие, здоровье и силу.

Узнав шаги, ротмистр быстро вскочил, вытянулся в струнку, еще раз обдернув свой прекрасно сидящий мундир, приладив по форме в руках головной убор.

Большая тяжелая дверь медленно, с коротким скрипом распахнулась под давлением слабой старческой руки.

Прямо против двери находилось окно спальни.

Яркие золотые лучи, падающие в него, наполнили весь пролет двери, ударив прямо в глаза ротмистру.

На этом золотистом, сверкающем фоне вырезалась маленькая фигурка худощавого старичка со сморщенным лицом, с седой головой на тонкой, вытянутой немного вперед шее.

учился быть простым и естественным. И это притворство, неразлучное с князем, уже не резало окружающим ни ушей, ни глаз.

— Ишь, ишь, зардел даже, что твоя красная девица! Ротмистр... гвардеец, кавалерист! Ха-ха-ха-ха... Ха-ха... Ничего... Это тоже нравится... Это любят. Красней, красней... Вреда не станет от того. Ну, толкуй: что нового? Где был? Кого видел? Исповедайся, мой свет. Докладывай по начальству.

Ротмистр Платон Зубов, подняв скромно опущенные глаза и подобострастно глядя прямо в лицо князю, заговорил вкрадчивым, тихим, но внятным голосом:

— Нынче Господь счастье послал, ваше сиятельство! Раненько утром случайно повстречаться довелось... Как на первую прогулку выйти изволила...

— Случайно?! Ха-ха-ха... Ха-ха! Со мной, брат, не финти. Со мной начистоту надо... Далее! Был замечен?

— Помог Господь, ваше сиятельство! Я будто по караулу шел... Увидал издали, остановился, салютую... Собачка одна ко мне кинулась. Я приласкал. Тут и узнан был. Изволила головой ласково кивнуть. И далее проследовала. Я не осмелился ближе. Очень в задумчивости пребывает, видно...

— Задумаешься! Этот «кафтан красный», как она его называет, совсем истрепался со своей Щербатовой. От него ей, голубушке нашей, ни тепло ни холодно... А еще ревновать смеет ее, голубушку бедную... Собака на сене, ей-ей! И взглянуть ей не дает ни на кого! Есть тут преображенец отставной, секунд-майор Казаринов. Известен давно государыне... Красивый мужчина. О нем тоже многие хлопочут. Особливо потемкинцы. Заметь это... Вот и захотел граф Брюс поджечь Мамону нашего... Торговал тот у графа именишко, да остановился. Проведал, что не стоит покупать: крестьянишки разорены. А Брюсу сбыть охота. Он и спросил на днях: «Что ж, граф, покупаете, нет ли? Другой охотник есть». — «Продавайте! — говорит Мамона. — А кто торгует?» — «Казаринов». Как услышал мой Александр Матвеевич — побледнел... голос у него отнялся. Еле слышно выговорил: «Да вить у Казаринова у этого... и нет ничего... Откуда у него триста тысяч...

такая изрядная сумма возьмется!» И на государыню глядит, словно пробуравить ее хочет глазами. А она, матушка, таково-то спокойно и отвечает: «Разве один Казаринов на свете? Может, и купит совсем не тот, на кого ты думаешь?» А Брюс и затакал. «Да, — говорит, — секретарь отставной из Военной коллегии купить собирается». Понял? Да еще Милорадовича, тебе ведомого, тот же Безбородко, как родню своего, сватает... сватает... Да курляндец Менгден... Да еще есть... Видишь, целый бой идет...

— О том я извещен, ваше сиятельство... Анна Никитишна вчерашний день сказывать изволила.

— А-а, и к Нарышкиной вчера заглянул? Молодец. Тихой-тихой, а ловить фортуны за хвост умеешь.

— Сама изволила присылать за мной, ваше сиятельство. Я что же? Разве я посмел бы? И нынешняя встреча по совету Анны Никитишны вышла... Мол, на глаза чаще попадаться, чтобы теперь замеченным быть, когда тревога в государыне... Сказывает Анна Никитишна, скоро уж и конец. С прошлой-де осени почти что и службы своей не исполняет граф. Только имя одно за ним. Приказывала насчет беля хорошенько подумать... чтобы все как надо... И наготове быть.

— Так, так... Ха-ха-ха-ха... Ха-ха. Она говорит, она знает. И я слышал, что махание графа со княжной со Щербатовой уж и так зашло, что нельзя дальше... Свадьбой им спешить надо, чтобы крестины ее не обогнали... Ха-ха-ха! Нехорошо. Щербатовы — не Зубовы или иные дворяне беспоместные. Фамилия первая. Придется графу свежеиспеченному ответ держать перед самой перед матушкой нашею вдвойне. И за обман перед нею, и за поступки столь низкие с благородной девицей... Мат ему, гордецу, пришел. Недолго повластвовал. Чванен больно. А забыл, что гордым Господь сам противится... Слышал: под своего благодетеля, под светлейшего, и то подкапываться уже стал «кафтан» наш «красный»... Ха-ха-ха! На гвоздик его за это повесить за одно следует. Благодетелей не помнит. Ты тоже такой будешь, а? Говори!

— Да ваше сиятельство! Отец родной... Да я разве посмею... Ежели бы не вы... Ваше сиятельство! Господь слышит. Раб ваш по гроб жизни... и всегда... Я, ваше...

— Верю, верю. Будет. Не заклинайся. Грешно. Помни только, как ты передо мною разливался, молвил, чтобы я тебе командование тут караульное сдал на лето... У-у, и плут ты! Не одну выслугу по чинам — иное уж кое-что чуял либо от кого подстроен был? Признавайся? Начистоту!

— Нет, ваше сиятельство, особого ничего... Правда, ваше сиятельство, будучи вхож в дом к Анне Никитишне, там многое слышал и сердцем болел о государыне... Но ясно ничего не думал... И мне не было сказано. Так, совет давался: лучше-де молодому, собой приятному человеку на глазах быть для карьеры... Я принял к сердцу слова. Вот и все.

— Старая потатчица Никитишна... Она вперед знает. На три аршина под землей видит, что матушки нашей и ее нужд касает... по сердечной части. Видно, не захотели нового друга из рук у светлейшего принимать. Занятно, как наш «князь тьмы» на сие взглянет, ежели помимо него ты в случай проскочишь, в фавор угодишь. Далече он. А хотелось бы его одноглазую рожу поглядеть, как сведает, что иными ты поставлен, не его милостью... Ха-ха-ха... Это тоже не забывай. Потемкин другом тебе не станет, раз ты не из его кармана выскочил. Так ты старых друзей держися. Словам твоим и ничьим я давно не верю. А вот как будешь помнить, что, кроме Бога и меня, старика, нет у тебя опоры и помощи на высокой, да скользкой горе, куда мы тебе добратся помогаем... Тогда авось и благодарности не забудешь... Ха-ха-ха... кх-кхх... кх... Совсем я разбился со здоровьишком со своим... Ты помни еще и то: отец твой и тот у меня счастье и подмогу нашел. Он, правда, честно правит деревнишками своими. Да, поди, и себя не забывает. Скупенек старик, правду сказать надо. Да скупость не глупость. Денежка рубль бережет, всем ведомо. А без них охо-хо-хо как плохо жить на свете, хоть и в чинах, и в орденах. Помни: деньги береги... Не мотай их... особенно в первую пору. Щедра тогда наша матушка. Сыплет золотом и домами, и крестьянишек не жалеет. А ты лови на лету... да

угождай... Да своих не забывай. Понял? Молод ты еще, не больно умен, как слышно... Да авось эту науку поймешь... А?

— Пойму, ваше сиятельство... А чего не пойму, позвольте уж вас беспокоить, как отца родного, как ангела-хранителя... Уж, ваше сиятельство, вся на вас надежда. В ноги вам кланяюсь: помогите, не оставьте.

Взманенный картиной золотого дождя, которую сразу и ярко нарисовал старый хитрец, Зубов действительно упал в ноги старику князю.

— Ну, ну, ладно... Вставай. Нет у меня сил подымать тебя. Ишь невелик ты, а грузен. Плотный какой, словно ядрышко. Встань... не бабься. К чему слезы? Радость тебе предстоит, не слезы. Я уж вижу. Коли Никитишна так за тебя взялася, неспроста оно. Либо сама еще раней заприметила твое благородие... Либо Никитишна полагает, что ты на новом месте на своем ей тоже не без выгоды окажешься. Любит она денежки, подарки всякие, супирчики-сувенирчики, понимаешь?

— Понимаю, ваше сиятельство. Я сказывал, если Бог удачу пошлет, последнее, мол, тому отдам, кто поможет мне. Много раз ей сказывал...

— Так, так, братец. Тебя и учить мало надобно... Гляди, скоро из рук этой старой медиаторши и к ногам второй «амики» к Степановне к Протасовой попадешь. С той как быть, слышал ли? Знаешь ли?

— Толкует много. Да как бы промаха не сделать? Научите, ваше сиятельство!

— Да, тут надо без промаха... Ха-ха-ха-ха... Тут промахов не полагается... Прямо в цель попадай. Коли уж до того дело дойдет, слушай, какой церемониал тут полагается. Заглянет к тебе, словно ненароком, Роджерсон либо иной лекарь, государыни доверенный... Про здоровье станет распытывать. Ты ему говори... Сам еще попроси: мол, поглядите, посоветуйте, не надо ли чего. Да на вид ты богатырь у меня. Не болеешь?

— Нет, ваше сиятельство, храни Господь! Лихорадки бывали там, простуды. А чтобы что... Помилуй Бог!

— Вот он и поглядит. Ты его тоже обласкай, как можешь. Эти лекаря всегда в пригуду. А там и к Протасихе на вече-